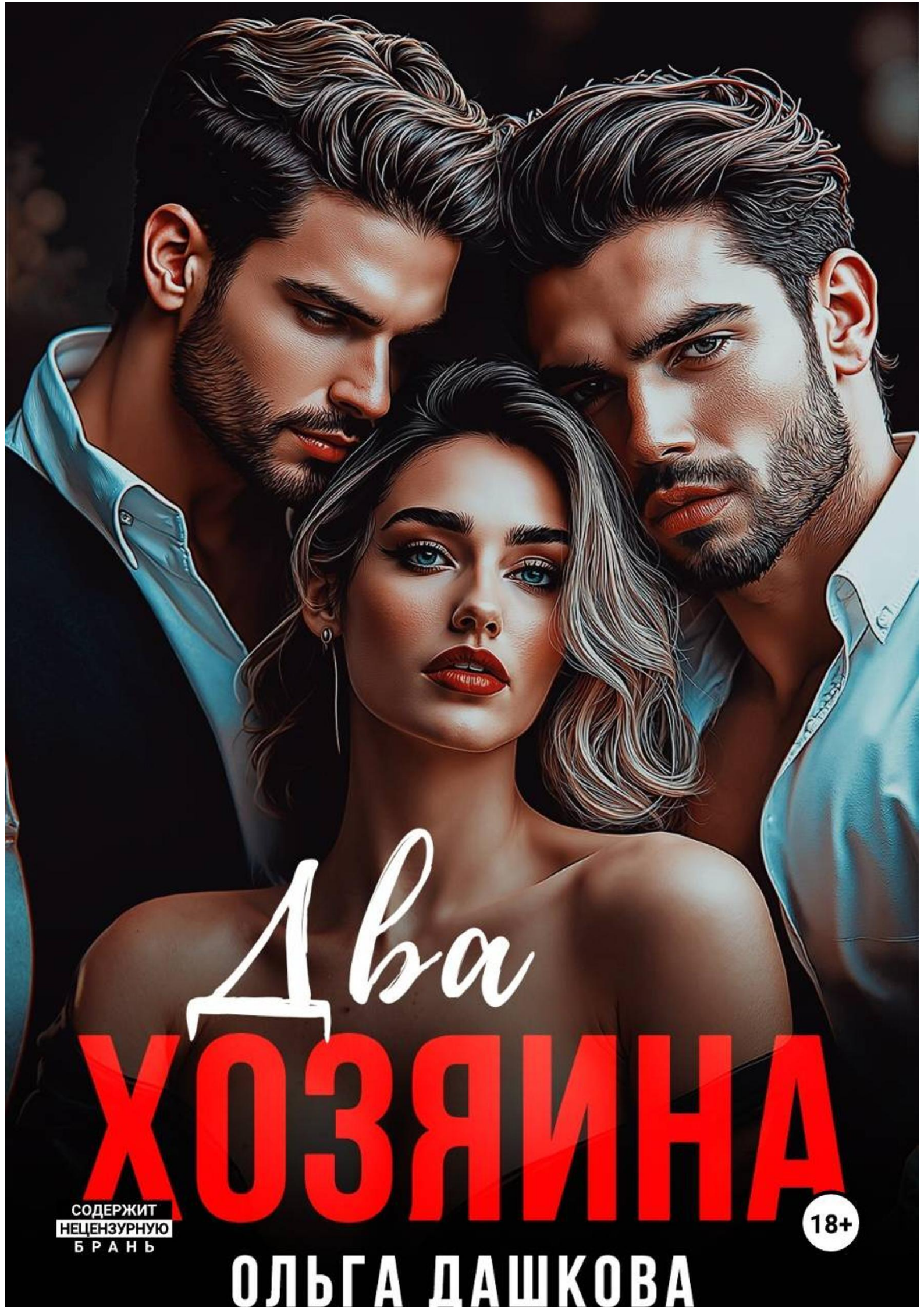

Два ХОЗЯИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОЛЬГА ДАШКОВА

Итальянские Страсти

Ольга Дашкова

Два Хозяина

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Два Хозяина / О. В. Дашкова — «Автор», 2026 — (Итальянские Страсти)

Я вернулась домой после смерти отца и узнала, что ничем не владею. Рауль и Франко Витторио ждали меня пять лет. По завещанию я должна жить с ними два года и выполнять их «разумные требования». Один брат соблазняет нежно, целует так, будто я его единственное сокровище. Другой брат берет жестко, властно, и тело предает меня каждый раз. Я ненавижу их. Я боюсь их. Но все чаще думаю: а что, если я всегда была их? Что, если я уже хочу принадлежать им обоим? Теперь я в их руках. И выхода нет.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Гла	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ольга Дашкова

Два Хозяина

Пролог

Мне было пятнадцать с половиной, и я уже знала, что в нашем доме есть места, куда детям вход воспрещен. Подвал относился именно к таким местам.

Тяжелая дубовая дверь в конце коридора первого этажа всегда была заперта на два замка – один обычный, другой с кодом, который отец менял каждые три месяца. Я никогда не видела, чтобы кто-то, кроме него, спускался туда. Даже Мария, наша горничная, которая знала все секреты виллы лучше, чем собственные детей, никогда не подходила к той двери ближе чем на два метра.

Но в тот вечер, в конце июля, когда воздух был густым от жары, дверь была приоткрыта. Не нараспашку – всего на ладонь. Достаточно, чтобы сквозь щель пробивалась тонкая золотистая полоса света от старой лампы с зеленым абажуром.

И этого оказалось достаточно, чтобы мое любопытство, которое отец всегда называл «опасным пороком», победило страх.

Я была босиком, пол под ногами казался ледяным после раскаленного за день мрамора верхних этажей. Я двигалась медленно, стараясь не дышать слишком громко, хотя сердце стучало так, что, казалось, его слышно в саду за окнами.

Спускалась по узкой каменной лестнице, прижимаясь спиной к холодной стене. С каждой ступенькой запах менялся: сначала – пыль и старое дерево, потом – что-то металлическое, соленое, как кровь, смешанная с потом и кожей. Еще ниже – легкий запах сигаретного дыма и одеколона отца. Тот самый, с нотами сандала и горечи.

И когда я оказалась на последней ступеньке, я увидела все.

Отец стоял спиной ко мне, в центре большого помещения, которое я всегда представляла себе пустым и темным. На самом деле там было неожиданно светло – две лампы на штативах, как в старом кино про допросы, освещали круг диаметром метров пять.

В центре круга – двое парней.

Они были старше меня, обоим может быть лет по двадцать. Высокие, худощавые, но уже с плечами взрослых мужчин. Оба в черных футболках, пропитанных потом так, что ткань липла к телу.

Руки за спиной связаны, один стоял на коленях на голом каменном полу, голова опущена, темные волосы падают на лицо. Второй прислонился спиной к кирпичной колонне, ноги расставлены, подбородок высоко поднят. Он не стоял на коленях. Он стоял, несмотря ни на что.

На полу между ними лежал старый кожаный ремень отца – широкий, потемневший от времени, с тяжелой латунной пряжкой в форме оскаленной головы льва. Пряжка была испачкана чем-то темным. Я не хотела думать, чем именно.

Отец говорил тихо. Как всегда, когда был по-настоящему зол. Голос ровный, почти ласковый – от этого становилось еще страшнее.

– Вы думали, мальчики мои, что можно просто взять деньги из кассы и уйти? – он медленно прошелся по кругу, ботинки стучали по камню. – После всего, что я для вас сделал? После того, как вытащил вас из той помойки в Неаполе, где вы дрались за объедки? После того, как научил вас держать нож, держать слово, держать себя в руках?

Тот, что стоял, поднял голову. Волосы упали назад, открыв лицо. Острые скулы, прямой нос, губы, сжатые в тонкую линию. Глаза – темно, почти черные в этом освещении. Он не

ответил. Просто смотрел на отца. Не с вызовом. С холодным, спокойным интересом, будто слушал лекцию, которую уже слышал тысячу раз.

Отец остановился прямо перед ним.

– Франко, – произнес он имя так, будто пробовал его на вкус. – Ты всегда был самым упрямым. А ты, Рауль? – Он повернулся к стоящему на коленях. – Ты ведь всегда был разумным. Почему сегодня решил поиграть в героя вместе с братом?

Рауль не поднял головы. Только плечи чуть напряглись. Отец вздохнул, поднял ремень, пряжка качнулась, отразив свет.

– Я не люблю бить вас, – сказал он почти грустно. – Вы же знаете. Но вы вынуждаете.

Он сделал шаг назад, замахнулся.

И в этот момент тот, что стоял – Франко – резко дернул руками. Пластик хомута, которым были связаны его руки, треснул с сухим звуком. Он не освободился полностью, но хватило, чтобы рвануться вперед и встать между отцом и братом.

– Не трогай его, – голос Франко был хриплым, низким, но твердым. – Бей меня. Я старший. Я виноват.

Отец замер. Потом медленно опустил руку.

– Старший, значит? – Он усмехнулся. – На год всего. А ведешь себя, будто на десять. Ладно.

Он повернулся и пошел к столу в углу, положил ремень. Достал сигарету, закурил. Дым медленно поплыл вверх, к лампам.

– Вы оба останетесь здесь до утра, – сказал он спокойно. – Подумаете. А завтра... завтра мы поговорим по-другому.

Он развернулся и пошел к лестнице. Я поняла, что сейчас он поднимется. Прямо на меня. В панике отступила назад – и наткнулась спиной на холодную стену. Звук был крошечный, но в этой тишине он прозвучал как выстрел.

Отец остановился. А потом... потом Франко повернул голову. Не к отцу. Ко мне. Наши взгляды встретились через ту узкую щель в двери.

Секунды три. Может, четыре.

В его глазах не было удивления. Не было страха. Только что-то очень глубокое, очень спокойное. Как будто он не просто увидел девочку, подглядывающую за отцом. Как будто он увидел меня – настоящую, ту, что пряталась внутри всех этих платьев и уроков этикета. И узнал. Почувствовала, как по позвоночнику пробежал холод. Не страх, это было что-то другое. Что-то, чему у меня тогда еще не было названия.

Франко чуть наклонил голову – едва заметно. Как будто кивнул. Как будто сказал: «Я тебя вижу». А потом медленно, очень медленно, перевел взгляд на Рауля, который все еще стоял на коленях. И уголок его губ дрогнул – почти улыбка. Только для брата. Только для него.

Отец уже шел к двери.

Я развернулась, бросилась вверх по лестнице так быстро, как только могла. Босиком, спотыкаясь, задыхаясь. Ворвалась в свою комнату, захлопнула дверь, повернула ключ. Прижалась спиной к дереву и сползла на пол.

Сердце колотилось так сильно, что болела грудная клетка. Я сидела на полу до самого утра. И все это время перед глазами стоял только один взгляд. Не отца. Не того парня на коленях.

Тот взгляд. Тот, что принадлежал Франко. Тот, который говорил: «Мы еще увидимся».

И я почему-то знала – даже тогда, в пятнадцать с половиной лет, – что это не угроза. Это обещание.

Глава 1

Самолет приземлился в Пизе уже в сумерках.

Небо было цвета переспелой сливы – тяжелое, низкое, готовое вот-вот пролиться дождем. Вышла из терминала, чувствуя, как влажный воздух сразу облепляет кожу, проникает под тонкую блузку.

В Чикаго была зима, здесь – все еще позднее лето. Эта разница в температуре казалась мне символичной: я возвращалась туда, где все мое детство было теплым снаружи и ледяным внутри.

Таксист всю дорогу молчал. Только иногда бросал взгляд в зеркало заднего вида – видимо, видел, что я не в настроении для разговоров. Я смотрела в окно на знакомые повороты: оливковые рощи, каменные заборы, старые кипарисы, похожие на черные свечи. Все было таким же. И все казалось чужим.

Вилла «Ла Роза Нера» встретила меня освещенными окнами первого этажа. Фонари в саду горели тускло-желтым, как всегда. Садовник Антонио кивнул мне из темноты, не поднимая глаз. Мария ждала у входа. Обняла так крепко, что я почувствовала запах ее старого лавандового мыла от которого у меня в детстве всегда текли слезы, когда отец уезжал в очередную командировку.

– Они уже здесь, Габи, – прошептала женщина мне на ухо. – В кабинете. Ждут.

«Они»

Я не спросила, кто именно. Знала.

Кабинет отца находился в самом конце длинного коридора. Дверь была приоткрыта – ровно настолько, чтобы свет изнутри падал золотой дорожкой на мрамор. Я остановилась на пороге, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле.

За огромным дубовым столом сидел адвокат синьор Морелли. Маленький, сухонький, вечно в одном и том же сером костюме. А по обе стороны от него стояли *они*.

Рауль и Франко Витторио.

Пять лет. Прошло пять чертовых лет – и они выглядели так, будто время работало только на них.

Рауль был слева. Черный костюм, идеально сидящий, белая рубашка расстегнута на верхнюю пуговицу. Волосы чуть длиннее, чем я помнила, уложены назад, но одна прядь упрямо падала на лоб.

Он улыбнулся мне мягко, почти нежно, подошел первым. Осторожно взял мою руку, поднес к губам, поцеловал костяшки пальцев. Долго. Слишком долго. Я почувствовала тепло его дыхания на коже.

– Добро пожаловать домой, Габи, – голос у него был низкий, бархатный, с легкой хрипотцой. От этого звука по позвоночнику пробежали мурашки, несмотря на жару в комнате.

Франко остался у стола. Руки в карманах брюк, рубашка черная, расстегнута на две пуговицы сверху – видно было ключицы и начало татуировки, которой пять лет назад точно не было.

Волосы короче, чем у брата, чуть взъерошены, будто он только что провел по ним рукой. Он не улыбнулся. Просто смотрел. Прямо. Тяжело. Как будто взглядом можно было раздеть.

– Выросла, *principessa*, – произнес медленно, растягивая каждое слово. – А мы все ждали.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица. Ноги стали ватными. Синьор Морелли кашлянул – сухо, деловито.

– Синьорина Рива, присаживайтесь, пожалуйста. У нас мало времени.

Села, кресло было слишком большим, я утонула в нем, как в детстве. Руки спрятала под столом, чтобы никто не увидел, как они дрожат.

Адвокат открыл кожаную папку. Голос его был ровным, монотонным.

– Завещание вашего отца, составленное три года назад и подтвержденное нотариально за месяц до его смерти... – он сделал паузу, будто давая мне время собраться. – Все движимое и недвижимое имущество, включая виллу «Ла Роза Нера», земельные участки, счета в банках Цюриха и Милана, акции компаний «Riva Import-Export», «Toscana Vini», «Riva Logistica» и остальные активы... передаются в равных долях синьорам Раулю и Франко Витторио.

Тишина упала на комнату, как тяжелая штора.

Я не дышала.

– Что... что значит «передаются»? – мой голос прозвучал тонко, почти детский.

Морелли поднял взгляд – усталый, сочувствующий.

– Это значит, синьорина, что вы не являетесь прямой наследницей в традиционном смысле. Однако... – он перевернул страницу, – существует отдельный пункт. Личное содержание. Ежемесячные выплаты в размере ста пятидесяти тысяч евро. Проживание на вилле. Полный доступ к автомобилям, прислуге, охране, медицинскому обслуживанию. Все это сохраняется за вами... при одном условии.

Я уже знала ответ. Но все равно спросила, потому что должна была услышать это вслух:

– При каком?

Рауль ответил вместо адвоката. Тихо. Почти ласково. Как будто говорил о погоде.

– При условии, что ты остаешься с нами. Здесь, на вилле. Минимум два года. И выполняешь наши... разумные требования.

Франко усмехнулся – уголком губ, очень медленно.

– Разумные, – повторил он, словно пробуя слово на вкус. – Мы ведь разумные люди, правда, Габи?

Я посмотрела на них. На обоих.

Рауль – мягкая улыбка, теплые глаза, пальцы, которые все еще держали мою руку под столом (я даже не заметила, когда он ее взял). Франко – тяжелый взгляд, напряженная линия челюсти, пальцы, постукивающие по столу – ритмично, как метроном.

И вдруг я поняла одну страшную вещь. Они не шутили. Они не злились. Они ждали. Пять лет ждали именно этого момента. Я резко выдернула руку из ладони Рауля. Встала. Кресло скрипнуло.

– Это бред. Это незаконно. Я поговорю с другим адвокатом. Я оспарю это.

Морелли вздохнул.

– Синьорина, завещание составлено безупречно. Ваш отец имел полное право распоряжаться имуществом по своему усмотрению. Вы можете оспаривать, конечно... но это займет годы. И без средств к существованию вы...

Он не договорил. Не нужно было.

Франко оттолкнулся от стола. Подошел ближе. Остановился в шаге от меня. Я чувствовала тепло его тела, запах парфюма с нотами дыма.

– Ты устала с дороги, principessa, – сказал он тихо. – Иди отдохни. Мы поговорим завтра.

– Я не хочу говорить с вами завтра, – выпалила. – И вообще никогда.

Он наклонился чуть ближе. Так близко, что я видела крошечные золотистые искры в его темных глазах.

– А придется, – прошептал он. – Потому что теперь здесь правим мы.

Рауль встал. Подошел с другой стороны. Положил руку мне на плечо – легко, успокаивающе.

– Все будет хорошо, Габи, – сказал мягко. – Мы не враги. Мы... семья.

Я скинула его руку. Развернулась. Побежала из кабинета, не оглядываясь. Дверь своей комнаты я заперла на ключ. Прижалась спиной к дереву. Сползла на пол, прямо как тогда, когда мне было пятнадцать с половиной и я увидела этих парней в подвале у отца.

Слезы пришли не сразу. Сначала – только дрожь. Потом – ярость. Потом – страх.
А потом – воспоминание. Тот взгляд из подвала. Тот самый.

«Мы еще увидимся».

Я закрыла глаза. Они увиделись. И теперь я была не в собственном доме в котором выросла, а в *их* доме. В *их* власти. В *их* руках.

Первые дни прошли в каком-то странном, вязком тумане.

Я не выходила из комнаты. Отказывалась спускаться к ужину. Когда Мария приносила поднос с едой – выливала все в унитаз. Когда Рауль стучал в дверь и говорил тихо: «Габи, пожалуйста, поешь хоть что-нибудь», – я молчала.

Франко не стучал. Он просто входил как полноправный хозяин.

На третий день я услышала, как ключ повернулся в замке – у них, конечно, был запасной. Дверь открылась. Он стоял в проеме. Черная футболка, джинсы. Руки скрещены на груди.

– Хватит дуться, – сказал он спокойно. – Ты не ребенок.

– Убирайся, – прошипела.

Он вошел. Закрыл дверь за собой. Повернул ключ.

– Нет, *principessa*. Теперь это мой дом. И твоя комната – тоже.

Он подошел к кровати, сел на край. Я отодвинулась к изголовью, подтянув колени к груди.

– Ты можешь ненавидеть нас сколько угодно, – сказал, глядя мне прямо в глаза. – Но ты никуда не денешься. Так что либо ты начинаешь есть и разговаривать, либо я буду кормить тебя сам. Силой. Выбирай.

Я молчала.

Он встал. Подошел к двери.

– У тебя есть время до завтрашнего вечера, – бросил он через плечо. – Потом я вернусь. И выбор будет уже не твой.

Дверь закрылась. Я осталась одна. И впервые за эти дни заплакала. Не от злости. От понимания.

Они не отпустят. Никогда.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.